

Татьяна Мегрелишвили
Русский литературный канон
в зеркале современности

По определению А. Ф. Лосева, канон — это количественно-структурная модель художественного произведения такого стиля, который, являясь выразителем определённых социально-исторических показателей, интерпретируется как принцип создания известного множества произведений (Лосев 1973:15). Любые изменения в каноне происходят в периоды крупных исторических перемен. Понятие национального литературного пантеона мыслится как некая совокупность высших художественных, философско-эстетических авторитетов, персонализированных в виде отдельных писательских имен, корпусов их творчества или даже отдельных произведений, получивших статус эмблематических образов (Земсков 1999:7—19).

О механизмах формирования национального литературного канона на сегодня существует ряд воззрений, однако наиболее реалистичным представляется соответствие литературного памятника следующим критериям: 1) общественное признание и читательская популярность, 2) проверка временем, 3) широкое распространение в национальном масштабе (что во многом отражается включением в образовательную парадигму). Соответственно, канон во многом явление историко-литературное, социальное, существующее во времени и в интерпретации воспринимающих сознаний, которые в каждую историко-культурную эпоху по-разному «прочитывают» произведение.

«По моему слову Зеркало может открыть многое. Одним оно покажет их затаённые желания, другим — совершенно неожиданные вещи. Если предоставить Зеркалу свободу, даже

я не буду знать, что оно покажет», — говорит владычица Галадриэль хоббитам из Братства Кольца (Джон Р. Р. Толкин. Властелин Колец). *Свобода* как феноменологическая альтернатива в эпоху постмодерности становится центральной сущностью жизни в фазе информационной цивилизации, выражающей общечеловеческие тенденции к глобализации и становлению общества знаний, и которая протекает в условиях размывания геополитических и культурных границ и формирования «сетевого общества». Литературовед находится в сложное положение: как же осознать сущностные начала русской литературы в эпоху постмодерности? Существует ли в пространстве постмодерной свободы единый канон русской литературы?

Осмысление современного состояния вопроса о каноне русской литературы невозможно без осознания того факта, что канон в той или иной мере существовал на всех этапах развития русской литературы, и необходимо учитывать особенности его наличия на каждом из историко-литературных этапов, совпадающих с рамками художественно-эстетических парадигм русской письменной культуры. При всем различии этих этапов уже в древнерусском периоде развития русской словесности отмечается важнейшая особенность: на Руси устная (народная) и книжная (христианская) литературы сосуществовали как бы в параллельном режиме. Они обслуживались различными типами языка, использовали разные жанры и распространялись каждая в своей социальной среде¹. В из-

---

¹ К примеру, в Византии классическая — то есть дохристианская, языческая — литература функционировала в верхних слоях общества, в древнерусском государстве же язычество долго держалось в нижних слоях общества — в народе. Это различие обусловило особенности развития литературных текстов на Руси. По некоторым свидетельствам, «Народная библия», т. е. ветхозаветные сюжеты, переработанные в духе сказаний и легенд, а впоследствии и сказок, через апокрифы (неканонические церковные тексты) попадали в народную среду и перерабатывались здесь в духе низовой литературы. Полный текст Библии был получен только «в 1499г., легенды же о царе Соломоне и Китоврасе, о других ветхозаветных героях известны в народе с XII в. и восходят к текстам антииудейской Толковой Палеи, составленной на Руси, а в духовных песнях и в заветной (глубинной) Голубиной книге все эти герои

вестной мере это создало и стойкую традицию: наряду с официальной литературой, на Руси, а позднее и в России всегда сохранялась литература второго плана, немаркированная по идеологическому признаку, и тем особо привлекательная.

Эта единая тенденция сосуществования в параллельном режиме литературы канонической и неканонической наиболее ярко проявилась на рубеже XX—XXI веков, когда эта неканоническая, «альтернативная литература» вышла из «подполья», и сегодня некоторые компоненты ее стали необходимой частью бытия различных субкультур. Учет данного фактора позволяет увидеть современное состояние канона русской литературы как компонента единого процесса движения по «оси времени» русской литературной среды и текстовой культуры. Но что же считалось канонической литературой в разные периоды существования русской словесности?

В период X—XVII вв. принадлежность к литературному канону во многом определяется особенностями стиля и границами жанра. Преобразование жанров в процессе движения русской литературы от древнерусского периода к новой русской литературе происходило путем вторжения в старые жанры новых художественных средств изображения²: к примеру, каноническое «житие» постепенно трансформируется в «повесть»³, затем в протомемуарную прозу⁴, а позднее и в роман.

Во второй половине XVIII в. литература перестает быть «культурой единого текста» (сакрального, образцового), но превращается в «культуру различных грамматик» в зависимости от существования множества различных субкультур (ма-

---

собираются вместе, чтобы истолковать смысл жизни и бытия. Так сложились два уровня, или лучше – два слоя древнерусской литературы, для христианина и для крестьянина» (Колесов).

² Интерес к «внутреннему человеку» («Житие Улянии Осоргиной»), явление проблемы автора (творчество Епифания Премудрого), к примеру.

³ Примером подобной трансформации может служить созданное в XVII столетии сказание о князе Скопине-Шуйском, в котором элементы традиционного жития преобразованы по законам «повести».

⁴ Примером этому может служить «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное». О процессе трансформации «житийного» жанра, в том числе в протомемуарный, подробнее: Мегрелишвили 2006: 29–30.

сонская, вольтерьянская) (Хренов, Соколов 2001). Каждая из этих субкультур развивалась по собственной логике и имела свою литературу. Как следствие, в России второй половины XVIII века создается «культурное многоязычие» (термин Ю. М. Лотмана), постепенно разрушающее автономность эпохи классицизма, когда «каждый текст, жанр, поэтическая личность стремилась как бы занять свое место, определить его, отделить себя от других, закрепить свою специфику и утвердить ее как «наиболее правильную» (если не единственно возможную) по отношению к другим» (Лотман 1996:144). В подобных условиях высокую значимость приобретает «альтернативная литература»: путевые записки, трансформировавшиеся к последней трети XVIII столетия в жанр литературного путешествия. В ней намечается попытка выхода за пределы традиционной для литературного сознания первой половины XVIII в. одо-сатирической парадигмы (Лебедева 2000)⁵. Принципиальная ценность этого пласта литературы русского Просвещения непосредственно связана со спецификой литературного процесса эпохи, одним из особенностей которого было то, что «в сознании людей (и писателей, и читателей) не было четкого различия между художественным и нехудожественным текстом» (Устинов, Веселова 1998: 79), за исключением поэзии. Идея о ценности собственно эстетической функции художественной литературы впервые нашла свое после-

---

⁵ Именно в 60-е годы XVIII века, по мнению М. Я. Билинкиса, Р. М. Лазарчук, Г. Макогоненко, Л. Я. Гаранина, начинается вторжение в замкнутую литературную систему классицизма альтернативной литературы, среди которой основное место занимала литература мемуарно-автобиографическая. Именно в подобной литературе «торжествовал принцип эстетической свободы писателя от сковывавших его творческих правил» (Макогоненко 1980: 28). Во второй половине XVIII века в условиях существования достаточно жесткой системы литературно-эстетических регламентаций именно мемуарно-эпистолярная литература часто предоставляла авторам максимум свободы для литературного самовыражения. Как заметила Г. Елизаветина, в мемуаристике «получают отражение новые этапы развития человеческого самосознания, понимания мира в себе и себя в мире. Лучшие мемуарно-автобиографические книги — такие же вехи на пути движения человеческого духа, как и другие замечательные памятники литературы» (Елизаветина 1982: 148).

довательное воплощение лишь в 1791 г. на страницах «Московского журнала» Н. М. Карамзина.

Таким образом, каждый из этапов пути русской литературы в ее исторической поступательности до рубежа XX столетия отличался оригинальным отношением к литературе и рождал собственные ценности. В культурологическом аспекте процесс может быть определен как векторное движение от языческого мировосприятия к христианскому⁶, затем движение в модусе «от культа к культуре»⁷ и, наконец, в модусе «культура-цивилизация»⁸, проявившемся уже в творчестве авторов XIX столетия. Именно в этот период большую роль в формировании канона русской литературы начинают играть критики.

---

⁶ В этом плане интересно было бы подробно рассмотреть два явления древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве» и творческое наследие канонизированного русского святителя Кирилла Туровского. Оба эти явления стали частью большого канона русской литературы и не покидали его на всех этапах существования канона. В средневековом сознании текст воспринимается как неизменяемая константа. Он многократно перечитывается, а читатель обязан при этом перечитывании все глубже вникать в написанное и постигать все его глубины. Видимо, этот принцип был воспринят из отношения к текстам Священного Писания. «Слова» Кирилла Туровского, как и «Слово о полку Игореве», при всей разнице поэтики, предназначены именно для такого чтения.

⁷ В литературе этот процесс проявляется появлением таких жанров, которые не относятся к традиционно конфессиональным (к примеру, научная литература, позднее «Домострой»). Изменяется и восприятие реципиентом текстов этого периода. Теперь чтение текстов представляет собой познание нормы. Нормативность текстов регламентируется государством («Четы-Минеи» митрополита Макария, высочайше утвержденные списки летописей).

⁸ Данный модус может быть описан как движение от «идеи» к вещи, от духовного к материальному. Особо значимо этот процесс отразился в литературе XVIII в. XIX столетие обратилось к глубинному изучению власти «идеи» и материального над человеческими душами. На данном этапе ритуальность, канон создания текста уже полностью размыт. И если ранее существовал определенный канон описания того или иного явления (боя, жизни святого), то у авторов XIX столетия единственным критерием создания текста становится авторское мировосприятие, что находит свое отражение на образном и лексическом уровнях текста.

Критика в русской культуре первой половины XIX столетия представляла собой сложный синтез истории литературы, литературоведения, публицистики. Именно критика взяла на себя функции этих не существовавших тогда в пространстве русской культуры самостоятельных дисциплин и оказывала самое непосредственное влияние на формирование читательских вкусов и пристрастий, руководила общественным мнением. Такие имена, как В. Белинский, Н. Добролюбов и Н. Чернышевский не просто воспринимались как эмблемы определенных литературных школ, но непосредственно влияли на процесс наполнения канона русской литературы в свою эпоху. И ведущая роль критика в формировании канона в его историческом движении сохранялась довольно долго, вплоть до прошлого века, когда на определенном этапе историко-культурного развития на авансцену выступил так называемый метод соцреализма с его диктатом партийных установок, соответствие которым давало произведению «мандат» на вхождение в канон.

Сегодня под влиянием нового общественного запроса к литературе ситуация вновь изменилась. В первую очередь, отметим изменение образа потребителя литературной продукции: это, условно называя, представитель класса «профессиональных менеджеров», погруженных в собственный мир, в системе ценностных иерархий которого литература не занимает ведущего места. Этот огромный доминирующий в современном обществе класс предъявляет к литературе совершенно другие требования, чем это было раньше. Культурный капитал прошлого - классическая литература в том числе — в этой системе ценностных иерархий мыслится как компонент устаревший. Косвенно проявление этой вырабатываемой системы ценностей можно наблюдать в повсеместном спаде интереса ко всем проявлениям «высокой культуры», резком уменьшении числа студентов, выбирающих гуманитарную специализацию, в вынужденной необходимости трансформации гуманитарных дисциплин в прикладные курсы, вырабатывающие минимальную компетенцию в сфере риторики, академического письма и т. д. Курс истории литературы в вузах принял обзор-

ный характер, зато популярными стали курсы по масс-медиа и массовой культуре. Это всеобщий процесс, который можно наблюдать и в Грузии, в том числе. Все эти изменения влияют на лицо того явления, которое и именуется каноном русской литературы на современном этапе.

Рассуждая о русском литературном каноне сегодня, неизменно следует учитывать тот факт, что экспертное мнение по вопросу его современного состояния должно различаться в зависимости от того, в пространстве какой культуры находится сам эксперт: русской или иной. В частности, в современной независимой Грузии изменился статус русского языка, и языком преподавания в публичных школах и вузах стал грузинский язык. Несколько текстов русской литературы присутствует сегодня в школьной программе как компонент предмета «Русский язык как иностранный», и несколько произведений включено в курс литературы XX века, изучающийся в двенадцатом классе⁹. В вузах преподавание на русском языке ведется только в рамках программы высшего профессионального образования «Русская филология». В системе высшего профессионального образования Грузии русская филология не является лидером по количеству студентов. Анализ курикулов и силлабусов в рамках модуля «Русская литература» приводит к общему выводу, что они серьезно отличаются от подобных документов, существующих в пространстве российского образования. Еще более отличается реальная картина, которая имеет место в аудитории: из курса истории русской литературы выпало большое количество произведений, сохранились лишь вершинные образцы жанров и несколько персоналий (к примеру, в рамках древнерусской литературы — ни одной, в литературе XVIII в. — Ломоносов, Сумароков, Державин, Фонвизин). Тот же момент наблюдается и в силлабусах курсов истории русской литературы XIX и XX вв. В этих курсах внимание акцентируется на следующих именах: А. Грибоедов («Горе от ума»), А. Пушкин (обзорно лирика,

---

⁹ Два стихотворения Б. Пастернака, отрывки из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», отрывок из произведения А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в переводах на грузинский язык.

«южные поэмы», проза, «Евгений Онегин»), М. Лермонтов (обзорно лирика, поэмы «Мцыри» и «Демон», роман «Герой нашего времени»), Н. Гоголь («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Шинель», «Тарас Бульба», «Мертвые души»), И. Тургенев («Записки охотника», обзор романов), Н. Некрасов (обзор лирики, «Кому на Руси жить хорошо?»), Л. Толстой («Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресенье»), Ф. Достоевский («Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»), А. Чехов (обзор творчества). Литература XX столетия читается очень обзорно, в соответствии с выделяемыми в ее истории литературными течениями. Из персоналий останавливается внимание на В. Брюсове, А. Блоке, А. Ахматовой, Н. Гумилеве, М. Булгакове, А. Толстом, А. Твардовском.

В то же время в среде читающей публики интерес к русской литературе не угасает. Разумеется, существуют личные, семейные библиотеки, в которых всегда наличествует много произведений русской литературы, как классической, так и литературы XX столетия. Однако этого нельзя сказать о современной русской литературе, читательское знакомство с которой во многом зависит от стратегий издательств, которые переводят на грузинский язык очень немногое: произведения классиков, ранее не переводившиеся на грузинский язык (к примеру, «Идиот» Ф. Достоевского), некоторые романы Б. Акунина (Г. Чхартишвили). На книжных развалах наблюдается широкий ассортимент русской литературы, в основном детективных жанров (А. Маринина, Д. Донцова, тот же Б. Акунин), а также русская литературная классика в новом издании, напечатанной в России на языке оригинала. Определенная часть читательского сообщества (в основном, люди среднего возраста, хорошо владеющие русским языком со времен школьного образования в б. СССР) покупает эти книги.

Данная ситуация представляется отражением одной из частей глобального процесса — современных особенностей функционирования русской культуры в рамках иной культуры. Механизм этого функционирования определяется в том числе

тем, что грузинская культура на современном этапе своего развития воспринимает из русской только то, что она способно осмыслить как близкое, приближающееся к «своему», все остальное воспринимается как «чужое» и выводится в сферу пассивного либо узкопрофессионального знания. В современном воспринимающем грузинском читательском сознании русская литература присутствует как компонент индивидуальной картины мира интеллигента, и, разумеется, не в том объеме, в каком она представлена каноном русской литературы, существующем в пространстве собственно русской культуры. Процесс формирования индивидуального канона русской литературы грузинского воспринимающего сознания имеет объективную и субъективную стороны: к объективной относится присутствие в каждом индивидуальном каноне определенных имен, которые, полагаю, можно определить как компонент «всеобщей обязательной эстетической ценности» (Я. Мукаржовский); к субъективной стороне явления относятся личные пристрастия индивидуального «я».

Таким образом, примерное наполнение канона русской литературы, существующего в Грузии, может выглядеть следующим образом: лирика А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, некоторые произведения Л. Толстого (к примеру, «Анна Каренина», «Хаджи-Мурат», «Война и мир»), «Идиот», «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского, драматургия А. Чехова, лирика С. Есенина, некоторые произведения В. Маяковского, Б. Пастернака; «Мастер и Маргарита» М. Булгакова; переводы на русский язык лирики грузинских поэтов, выполненные Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной, А. Вознесенского, а также переводы на русский язык «Витязя в тигровой шкуре», сделанные различными авторами; из современных авторов следует упомянуть некоторые произведения Б. Акунина. Разумеется, это общий абрис, который может быть дополнен, а также расширен в зависимости от индивидуальных пристрастий каждого воспринимающего сознания. Однако он иллюстрирует общее положение о том, что грузинская культура адсорбирует из общего корпуса текстов канона русской литературы только те, чья проблематика, эстетические и художе-

ственные тенденции созвучны грузинскому культурному сознанию.

Как же выглядит канон русской литературы с позиций грузинской русистики? Разумеется, он гораздо шире. Судить о нем можно по тем проблемам, которые поднимают в своих научных трудах исследователи, а также по тематике квалификационных работ. Но и тут вопрос о литературном каноне превращается в вопрос об индивидуальной исследовательской научной картине мира. Существует определенная тенденция, в силу которой часто к исследованию избираются те произведения, которые могут быть типологически соотнесены с произведениями из литературного ряда грузинской литературы. В последние десять лет проявился интерес также к исследованию творчества и произведений авторов русского Зарубежья и к постмодернистским произведениям русской литературы.

Однако для того, чтобы анализировать новые художественные процессы, как и предложить новую интерпретацию текстов тех авторов, которые признаны классическими, назрела необходимость пересмотра ныне существующего в литературоведении методологического аппарата, а также ревизии существующего терминологического аппарата. В этом смысле грузинские русисты сталкиваются с общей для современного литературоведения задачей поиска новых путей научного анализа на фоне меняющегося лица современной гуманитарной научной сферы.

Применительно к литературному канону поиск новых методологических доминант сталкивается с двойственной ситуацией. Позиции сциентистских школ, с их установкой на объективную значимость любого литературного произведения и недопустимость каких-либо субъективных литературоведческих предпочтений, выводят само понятие канона — в известном смысле, некоей системы ценностных иерархий — за рамки науки, потому что приверженцу этих школ одинаково интересны для изучения, к примеру, и Лермонтов, и Бенедиктов. В то же время сторонники антропологических литературоведческих методологий, исходя из морально-психологи-

ческих состояний творящей и воспринимающей личности, превращают вопрос о каноне в спор об индивидуальном/сложившемся в той или иной культуре выборе/отборе. Это, так сказать, одна сторона вопроса.

С позиций герменевтики как метода истолкования исторических фактов на основе филологических данных, интерпретация литературных памятников призвана высветить их абсолютную художественную ценность, выкристаллизовывающуюся в виде производной от восприятия литературного произведения. Такая позиция неизбежно приводит к выводу о том, что в разные культурные эпохи русский литературный канон выглядит по-разному (ср. литературный канон эпохи XVIII, XIX, XX столетий), и связано это с особенностями акцентуации тех или иных норм и ценностей. Совокупное пространство ценностных компонентов, неизменное в различные периоды развития русской литературы, и становится «пропуском» литературного памятника в канон.

С учетом этого момента, хочу отметить: вопрос о каноне мыслится мною как вопрос методологический, в первую очередь. С позиций методологии, наибольший интерес представляет не ныне существующий и зафиксированный в школьных и вузовских программах классический корпус русской литературы, а то, что из современного литературного процесса попадет в канон. Именно в этом плане методология анализа и отбора может выглядеть примерно следующим образом, отражая некоторые, как представляется, важные позиции:

1) соотношение репутации автора и подлинного знакомства с его текстами сегодня;

2) адекватность отражения русского литературного канона в учебных программах школ/вузов в России и за ее пределами, то есть вопрос о том, что отражают и что должны отражать оглавления школьных учебников и темы лекций вузовских сиλλαбусов;

3) насколько существующий сегодня в России канон воспроизводит истинное лицо истории русской литературы и насколько он совпадает с неканоническими «канонами» русской литературы, выкристаллизовавшимися в иных культурах

(проблема, связанная с пониманием литературы как интеракции);

4) каким образом русский литературный канон связан с механизмами мифологизации и мифотворчеством вокруг биографий тех или иных персон в русской литературе (мифоцентричность как черта российской ментальности?).

Роль литературоведения в формировании канона на сегодня представляется как поиск ответов на эти и многие другие вопросы. Понятно, что литературный феномен никогда не являлся суммой научных достижений в области изучения этого литературного явления силами разных научных дисциплин, прежде всего литературоведением. Это становится очевидным, если признать литературные явления «высших уровней пантеона» феноменальными. К сожалению, изучение сложнейших законов включения литературного феномена в национальное сознание, о котором с резкими, чтобы не сказать императивными интонациями говорил А. И. Белецкий еще в 1920-е годы, оказалось так и не востребованным в науке. Главную причину тупика на этом научном пути можно усмотреть в отсутствии реальной методологической и теоретической базы исследований. Представляется весьма интересным исследование, которое могло бы обратиться к тем подчас иррациональным отображениям, которые памятники литературного канона порождают в сознании реципиента-читателя. Не менее интересным фактором было бы включение в инструментарий научного познания произведений интуиции исследователя.

Подводя некоторые итоги, следует отметить:

— формирование русского литературного пантеона происходит под воздействием как субъективных, так и объективных факторов, является результатом множества причин и действия разных механизмов, влияние на которые со стороны исследователей может оказаться крайне ограниченным;

— культурная информация, которую литература представляет с особой и уникальной для каждой нации полнотой, неизбежно сворачивается в ряд кратких формул, обозначенных именами писателей первого ряда и их важнейшими

произведениями. Этот процесс неизбежен и единственно возможен при современной безбрежности культурной матрицы и переходе к обществу массовой коммуникации. Таким образом, происходит жесткий отбор литературной информации. Главный закон этого отбора в национальной традиции — соответствие духовным установкам, которые, в свою очередь, не только связаны с исторической ментальностью нации, но являются «заказом снизу», представляют собой потребность в вербальном выражении и фиксации в слове. «Слово» же, проникающее из «другой» культуры, должно совпадать со «Словом», зафиксированным национальной культурой. Только при таком условии возможен диалог культур и литератур, и в этом плане «Слово» русской литературы существует не только в собственном национальном каноне, но и образует множество «канонов русской литературы», сформировавшихся в иных культурах.

Литература

Елизаветина 1982: *Елизаветина Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982.

Земсков 1999: *Земсков В.* Литературный пантеон: автор и произведение в межкультурной коммуникации // Литературный пантеон: национальный и зарубежный: Материалы российско-французского colloquium. М.: Наследие, 1999.

Колесов: *Колесов В. В.* Источники древнерусской культуры и истоки русской ментальности: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187589&uri=index.htm>

Лебедева 2000: *Лебедева О. Б.* История русской литературы XVIII века. М., «Высшая школа. Издательский центр «Академия», 2000.

Лосев 1996: *Лосев А. Ф.* О понятии художественного канона. — В сб.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.

Лотман 1996: *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры XVIII — нач. XIX вв.: В 5 т., Т. 4, М., «Языки русской культуры», 1996.

Макогоненко 1980: *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века, Л., 1980.

Мегрелишвили 2006: *Мегрелишвили Т. Г.* Проблемы поэтики мемуаров русского Зарубежья. — Тбилиси, 2006, 158 с.

Устинов Д. В., Веселова 1998: *Устинов Д. В., Веселова А. Ю.* «Утопия как деятельность» в русской культуре II половины XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. С. «История, языкознание, литература», 1998, № 1.

Хренов Н. А., Соколов 2001: *Хренов Н. А., Соколов К. Б.* Художественная жизнь императорской России (субкультура, картина мира, ментальность) СПб., Алетейя, 2001.